

Der Löwe

„Das ist schrecklich,“ dachte Hürgokh. „Das kann nicht sein!“

Doch es war.

Zumindest schien es so.

Hürgokh wußte um die Unberechenbarkeit des Seins; die Jahre hatten ihn gelehrt, daß nicht wenig, was man als Sein untrüglich vor Augen zu haben glaubt, sich im Nachhinein als Schein und Fata Morgana entpuppt. Kein Zweifel konnte bestehen, daß ein allfälliges Sein jener Erscheinung, die sich ihm darbot, schrecklich gewesen wäre; und deshalb hoffte er, daß auch diesmal, wie schon so oft, die Erscheinung des Seins entbehre und sich, gleich einem Traume, nach einiger Zeit verflüchtige.

„Das kann nicht sein,“ wiederholte er beschwörend, als wolle er die Erscheinung zum Nichtsein überreden.

Gemächlich trottete der Löwe auf ihn zu.

„Er sieht zwar recht seiend aus,“ dachte Hürgokh, „Aber dafür auch ganz zahm. Vielleicht hat er grad keinen Hunger; oder aber es ist überhaupt ein zahmer Löwe. Wäre es ein zahmer Löwe, so wäre natürlich gegen ein Sein seinerseits nichts einzuwenden.“

Der Löwe blieb stehen, schnupperte, öffnete den Rachen und stieß ein markerschütterndes Brüllen aus.

„Ob ich davonlaufen soll?“ überlegte Hürgokh. „Falls ja, würde sich nur fragen: Wohin? Bevor ich den nächsten Baum erreiche, hätte er mich eingeholt.“

Denn es war weit und breit kein Baum in Sicht.

Plötzlich kam ihm der rettende Einfall: „Vielleicht,“ dachte Hürgokh, „bin auch ich selbst bloß ein des Seins entbehrender Schein? Eine bloße Illusion?“ Er wunderte sich, daß er früher nie an solche Möglichkeit gedacht hatte. – „In solchem Falle,“ spann er den erlösenden Faden weiter, „wäre es im Prinzip ohne jeden Belang, ob dem Löwen ein Sein zukommt, oder ob er bloß eine Illusion ist, weil es nämlich völlig gleichgültig wäre, ob er mich, als bloßen Schein, aufißt oder nicht.“

Лев

„Это ужасно!“ подумал Вравлов. „Этого не может быть!“

Но – было.

Во всяком случае: показалось, что есть.

Известна была Вравлову непредсказуемость бытия; прошедши опыт бесчисленных лет он понял, что многое из того, что нам кажется несомненно сущим, в конце концов может оказаться лишь пустым явлением и миражом. Не подлежало сомнению, что существование того явления, которое предстало перед ним, привело бы к ужасным последствиям; и поэтому он надеялся, что и на этот раз явление лишено сути и, словно сновидение, через некоторое время растворится.

«Этого не может быть!» повторил он настойчиво, как будто уговаривая явление быть не сущим.

Не спеша, качая гривой, лев подступал ближе.

«Выглядит он, правда, довольно сущим,» думал Вравлов. «Но зато и весьма мирным. Может быть, он не голодный, или это вообще лев прирученный. Если это лев прирученный, то, естественно, против возможного существования его не может быть никаких возражений.»

Лев остановился, понюхал, раскрыл пасть и ужасающе заревел.

«Убежать мне, что ли?» подумал Вравлов. «Если да, остается только вопрос: куда? Догонит он меня раньше, чем доберусь до какого-нибудь дерева.»

Да к тому же рядом никакого дерева и не было.

Тут ему пришла спасительная мысль: «А вдруг,» подумал Вравлов, «и я сам – всего лишь лишённое сути чистое явление? Иллюзия?» Он даже удивился, что раньше никогда не думал о такой возможности. – «В таком случае,» следовал он своей спасительной нити, «в принципе не имело бы никакого значения, обладает ли данный лев сутью, или является лишь пустым явлением, так как было бы совсем безразлично, съест ли он меня, как чистое явление, или не съест.»

Der Löwe schaute Hürgokh aus traurigen Augen wie fragend an, schüttelte die Mähne, drehte sich um und trottete davon.

Dies hat Hürgokh dann trotz allem sehr erleichtert.

Грустно, словно вопрошающе лев посмотрел на Вравлова, покачал гривой, отвернулся и потопал прочь.

А от этого, несмотря на все, Вравлову что-то стало легче.

© Raymond Zoller

Авторский перевод с немецкого

vondorten@gmx.net

Кламүрке

Кламүрке